

УДК 336.2

Фискально-правовые инструменты регулирования нефтегазового сектора Великобритании в условиях энергетического перехода¹

Заюков Владислав Сергеевич, магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 244536@edu.fa.ru

Предметом настоящей статьи выступает фискально-правовой режим, в рамках которого осуществляется регулирование нефтегазового сектора Великобритании на фоне энергетического перехода, при этом подробному рассмотрению подвергается многоуровневая структура налогообложения добычи углеводородов на Северном море, охватывающая корпоративный налог с режимом «ринг-фенс», дополнительный сбор, нефтегазовый доходный налог и временный сбор с прибыли энергетических компаний (Energy Profits Levy, EPL). Наряду с прослеживанием эволюции EPL за 2022–2026 гг. исследуется правовая природа Energy Security Investment Mechanism (ESIM) и проектируемого Oil and Gas Price Mechanism (OGPM), а также анализируется роль инвестиционных и декарбонизационных льгот в перенаправлении капитала к целям энергетического перехода. Итоговые выводы фиксируют амбивалентность действующей конструкции, которая обеспечивает фискальные поступления в государственный бюджет, однако параллельно формирует угрозы для инвестиционной привлекательности британского континентального шельфа и устойчивости цепочек поставок, без которых сам переход окажется невозможен.

Ключевые слова: фискальный режим, нефтегазовый сектор Великобритании, энергетический переход, правовые механизмы.

Комплексная трансформация энергетической системы в направлении декарбонизации, обозначаемая понятием «энергетический переход», ставит перед законодателем задачу выстроить правовые и фискальные конструкции, способные одновременно стимулировать сокращение углеродоемких видов деятельности и гарантировать устойчивость поставок энергоносителей на протяжении переходного периода [2, с. 359]. Применительно к Великобритании данная задача приобретает особую остроту в силу того, что нефть и газ по-прежнему обеспечивают порядка 3/4 всей потребляемой страной энергии, причем, согласно прогнозам Offshore Energies UK, даже к 2050 г. углеводороды будут покрывать около 20 % спроса; параллельно отечественная добыча на британском континентальном шельфе (UKCS) сокращается, усиливая зависимость от импорта и повышая требования к предсказуемости фискально-правовой среды [4].

Фискальный режим, распространяющийся на предприятия, ведущие разведку и добычу углеводородов в Великобритании и на UKCS, включает 4 самостоятельных элемента; как следует из материалов Исследовательского отдела Палаты общин, компании уплачивают корпоративный налог в режиме «ринг-фенс» (Ring Fence Corporation Tax, RFCT), дополнительный сбор (Supplementary Charge, SC), нефтегазовый доходный налог (Petroleum Revenue Tax, PRT), а также временный сбор с прибыли энергетических компаний (Energy Profits Levy, EPL). Совокупные поступления по перечисленным налогам в 2024/25 финансовом году достигли 4,4 млрд фунтов стерлингов, из которых 2,2 млрд пришлось на «офшорный» корпоративный налог (сумма RFCT и SC), 2,5 млрд составил EPL, тогда как PRT оказался отрицательной величиной (-0,4 млрд), отражая возмещение ранее уплаченных сумм; волатильность поступлений при этом остается чрезвычайно высокой, поскольку за последнее десятилетие они колебались от 0,5 млрд в 2020/21 г. до 9,9 млрд в 2022/23 г. [6].

Конструкция «ринг-фенс» правовым образом изолирует прибыль от нефтегазовой добычи, не допуская ее уменьшения за счет убытков от иных видов деятельности либо избыточных процентных платежей; ставка RFCT с 1 января 2022 г. закреплена на уровне 30 %, а для практически всех капитальных вложений преду-

смотрены 100 %-ные капитальные надбавки первого года. Дополнительный сбор начисляется на прибыль «ринг-фенс» (без учета финансовых расходов) по ставке 10 % с 1 января 2016 г.; между тем история данного платежа наглядно демонстрирует подверженность британского нефтегазового налогообложения политическим колебаниям, поскольку с начального уровня в 10 % в 2002 г. ставка поднималась до 20 %, затем до 32 % в 2011 г. и далее снижалась обратно. Нефтегазовый доходный налог, привязанный к месторождениям с разрешением на разработку, полученным до 16 марта 1993 г., с 1 января 2016 г. имеет нулевую ставку; впрочем, сам налог не упразднен, т. к. компании сохраняют право на получение возвратов ранее уплаченных сумм [6].

Energy Profits Levy, введенный 26 мая 2022 г. на фоне резкого роста цен на углеводороды вследствие начала Россией специальной военной операции, представляет собой классический «налог на сверхприбыль» (windfall tax) и является принципиальным нововведением последних лет. Первоначально установленная на уровне 25 %, ставка EPL за 2,5 года повышалась трижды, достигнув 35 % с 1 января 2023 г. и 38 % с 1 ноября 2024 г.; налоговая база выстроена на основе базы RFCT, однако с существенными ограничениями, в т. ч. невозможностью учета расходов на финансирование и декомиссию, а также запретом на уменьшение обязательств за счет исторических убытков [6]. Совокупное действие EPL, RFCT и SC довело предельную ставку налогообложения отрасли до 78 %, что вывело Великобританию в число юрисдикций с наиболее высокой фискальной нагрузкой на нефтедобывающий сектор среди развитых стран [4].

Инвестиционные льготы составляют важный структурный элемент фискально-правовой архитектуры; на момент введения EPL компании получили право на «инвестиционную надбавку» (investment allowance) в размере 80 %, доступную в год осуществления расходов, благодаря чему совокупный объем налоговых льгот при вложении 100 фунтов увеличился с 46,25 до 91,25 фунта. Впоследствии общая надбавка снизилась до 29 %. В рамках Осеннего бюджета 2024 г., представленного канцлером Р. Ривз 30 октября 2024 г., ставка EPL повышена до 38 %, срок действия сбора продлен до марта 2030 г., 29 %-ная общая надбавка

¹ Научный руководитель: Горбунова Ольга Анатольевна — доцент кафедры международного бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

полностью отменена, а ставка надбавки на декарбонизацию снижена с 80 % до 66 % в целях поддержания ее «денежной стоимости»; одновременно 100 %-ные капитальные надбавки остались нетронутыми [6]. По существу, законодатель сознательно дифференцирует фискальные льготы, лишая «обычные» углеводородные инвестиции части налогового стимула и сохраняя преференциальный режим для расходов на снижение выбросов, что отражает стремление направить инвестиционные потоки в русло, отвечающее целям энергетического перехода.

Фискально-правовая архитектура нефтегазового сектора Великобритании отличается выраженной многослойностью и асимметрией, при которой постоянная составляющая в виде RFCT, SC и сохраняющихся остатков PRT формирует перманентный уровень обременения порядка 40 % прибыли, заведомо превышающий стандартную ставку корпоративного налога в стране. Наложение EPL поверх указанной постоянной базы доводит предельную фискальную нагрузку до 78 %, фактически превращая «временный» сбор в структурный элемент режима, который существенно корректирует инвестиционные решения компаний, ориентированных на длительные горизонты окупаемости вложений в разведку и добычу. Законодатель при этом предпринимает попытки нивелировать отрицательное воздействие на капиталовложения посредством сохранения 100 %-ных капитальных надбавок и декарбонизационной надбавки в размере 66 %, однако отмена 29 %-ной общей надбавки в октябре 2024 г., по оценкам отраслевых ассоциаций, направила рынку серьезный сигнал о снижении инвестиционной привлекательности UKCS [4].

Правовая природа и траектория развития EPL заслуживают отдельного рассмотрения, поскольку закономерной реакцией государства на отраслевую критику стало формирование правового механизма, ограничивающего действие сбора при «нормализации» сырьевых цен, а именно Energy Security Investment Mechanism (ESIM), о введении которого HM Treasury объявило 9 июня 2023 г. Замысел ESIM заключается в автоматическом прекращении действия EPL при условии, что средние цены на нефть и газ удерживаются ниже пороговых значений на протяжении 2 последовательных кварталов; первоначально пороги были зафиксированы на отметке 71,40 доллара США за баррель нефти и 0,54 фунта стерлингов за терм газа исходя из 20-летних исторических средних, а начиная с 2024 г. они ежегодно индексируются на величину изменения CPI, составляя в актуальной редакции 74,21 доллара за баррель и 50 пенсов за терм. Выполнение обоих ценовых условий одновременно влечет за собой возврат сокупной ставки налогообложения отрасли к 40 %, т. е. к постоянной базовой нагрузке без EPL [6].

Юридическая фиксация ESIM произошла в рамках Finance Act 2024 (ст. 19), тогда как технические аспекты реализации вынесены во вторичное законодательство (SI 2024/1175) [6]. С позиции юридической техники ESIM представляет собой достаточно редкое для британского налогового права явление, а именно «триггерный» механизм автоматического прекращения действия налога, при котором государственный секретарь обязан принять подзаконные акты о прекращении действия EPL в случае выполнения условий ESIM, что юридически связывает усмотрение исполнительной власти и ограничивает свободу дискреционного решения. Отраслевая критика ESIM концентрируется прежде всего вокруг уровня пороговых цен, поскольку, по подсчетам отраслевых участников, установленные значения были превышены на протяжении подавляющей части предшествующих 20 лет, а следовательно, реальная вероятность срабатывания механизма оставалась невысокой [8]. Впрочем, на фоне падения котировок в 2024–2025 гг. прогнозы Office for

Budget Responsibility указывают на вероятность приближения цен к порогам ESIM в ближайшей перспективе [6]. Следующим шагом в эволюции фискальной рамки стала разработка постоянного «механизма цен на нефть и газ» (Oil and Gas Price Mechanism, OGPM), призванного прийти на смену EPL после 2030 г., причем в марте 2025 г. HM Treasury совместно с HMRC инициировало публичные консультации по 2 альтернативным моделям. Первая, «доходная» модель (revenue-based model), нацеливалась на обложение избыточной выручки сверх пороговых ценовых значений, тогда как вторая, «прибыльная» (profit-based model), ориентировалась на долю прибыли при необычно высоких ценах; по итогам обсуждения правительство в Бюджете 2025 г. объявило о выборе доходной модели, предусматривающей дополнительную ставку 35 % к доходам выше пороговых значений 90 долларов за баррель нефти и 90 пенсов за терм газа. В случае снижения средних цен ниже порогов ESIM действие EPL прекратится незамедлительно, а вступивший в силу OGPM восстановит базовую ставку 40 %; соответствующие нормы предполагается включить в Finance Bill после Осеннего бюджета 2026 г., что свидетельствует о стремлении законодателя совместить долгосрочную предсказуемость регулирования с сохранением гибкого инструмента реагирования на ценовые шоки [6].

Отметим выраженную тенденцию к последовательному наращиванию фискального давления на нефтегазовый сектор, поскольку ставка EPL на протяжении 4 лет увеличилась более чем вдвое, с 25 % до 55 % (начиная с июля 2026 г.), а период действия сбора претерпел неоднократное продление, сместившись от первоначально обозначенного рубежа 31 декабря 2025 г. до 31 марта 2030 г.; подобная динамика недвусмысленно свидетельствует о постепенном превращении «временного» налогового инструмента в полупостоянный элемент фискальной архитектуры, что находится в прямом противоречии с первоначальной официальной риторикой об экстраординарной природе данного сбора. Наряду с изложенным отчетливо прослеживается логика дифференцированного подхода к инвестиционным преференциям, при которой государство планомерно сокращает льготы для традиционных нефтегазовых капиталовложений, однако сохраняет стимулирующие механизмы для декарбонизационных затрат (надбавка в размере 66 %) и общих капитальных расходов (сто процентное списание в первый год); с позиции теории права подобная дифференциация представляет собой характерный пример «направляющей» фискальной политики (steering function), в рамках которой налоговые механизмы используются не только для наполнения бюджета, но и в качестве инструмента целенаправленного изменения отраслевого поведения.

Внедрение механизма ESIM и проектирование OGPM указывают на стремление законодателя сформировать предсказуемую правовую среду с «автоматическим» переходом между чрезвычайным и нормальным режимами обложения; впрочем, реакция правительства на ближневосточный конфликт весной 2026 г., выразившаяся в повышении ставки до 55 % с 1 июля 2026 г., наглядно продемонстрировала уязвимость обещаний фискальной стабильности перед давлением политической конъюнктуры [6]. Политическое измерение данного вопроса с особой остротой проявилось в ходе дискуссии в Палате общин 24 марта 2026 г. (том 783 «Хансарда»), когда теневой министр энергетики К. Куинью от Консервативной партии выступила с инициативой полной отмены EPL, прекращения запрета на выдачу новых лицензий и одобрения проектов Rosebank и Jackdaw, апеллируя к расчетам Stifel, согласно которым содержание данного сбора обходится казначейству дороже получаемых поступлений, тогда как реформирование фискального ре-

жима принесло бы дополнительно 25 млрд фунтов налоговых доходов на горизонте 10 лет. Правительственный ответ, сформулированный М. МакКлоски, строился на тезисе о том, что увеличение отечественной добычи не приведет ни к снижению потребительских цен, ни к укреплению энергетической безопасности страны, EPL с момента введения уже обеспечил поступление порядка 12 млрд фунтов в государственный бюджет. Итогом голосования стало отклонение оппозиционного предложения 297 головами против 108; Палата одобрила поправку премьер-министра, закрепляющую курс на сохранение действующих месторождений, внедрение «переходных энергетических сертификатов» (Transitional Energy Certificates) и ускоренный переход к чистой энергетике, тем самым высветив фундаментальное противоречие существующего режима между задачей перераспределения сверхприбылей добывающего сектора и необходимостью поддержания инвестиционной привлекательности отечественной нефтегазодобычи [7].

Весомые аргументы в пользу пересмотра действующей конфигурации EPL приводит OEUK в аналитической записке от 24 ноября 2025 г., где ассоциация обосновывает, что проведение реформы в 2026 г. (вместо ожидания до 2030 г.) позволит увеличить совокупные налоговые поступления с 32,9 млрд до 48,6 млрд фунтов, т. е. обеспечить прирост в 15,7 млрд фунтов на протяжении 10 лет; структурно данная оценка складывается из 7,5 млрд фунтов налогов с фонда оплаты труда, 6,3 млрд фунтов дополнительных корпоративных поступлений от операторов, 4,6 млрд фунтов от нового ценового механизма и дополнительных сборов по цепочке поставок. По расчетам OEUK, экономически жизнеспособными признаются 111 проектов с суммарным ресурсным потенциалом в 3,25 млрд баррелей нефтяного эквивалента, способных покрыть как минимум половину энергетических потребностей Великобритании вплоть до 2050 г. [5]. Параллельно ассоциация обращает внимание на завышенность прогнозов OBR, поскольку ожидаемая выручка снижается с 11,5 млрд фунтов в 2026/27 г. до 6,7 млрд фунтов в 2029/30 г. [5], а более свежие оценки свидетельствуют о том, что от сектора в 2030 г. следует ожидать лишь порядка 100 млн фунтов налоговых поступлений [7]; на фоне подобных цифр бюджетная целесообразность сохранения EPL в нынешнем виде оказывается под серьезным вопросом.

Инвестиционная привлекательность сектора вызывает не меньшую обеспокоенность, нежели производственные показатели; согласно Business Outlook Report 2026 OEUK, капитальные вложения в нефтегазовые проекты составили 5,7 млрд фунтов в 2024 г. и 4,97 млрд фунтов в 2025 г., однако за внешне устойчивыми цифрами скрывается существенная оговорка, поскольку указанные объемы отражают проекты, окончательные инвестиционные решения по которым принимались еще до введения EPL. Прогноз NSTA от ноября 2025 г. указывает на двукратное сокращение капитальных инвестиций в нефть и газ на UKCS к 2028 г., причем к концу десятилетия расходы на декомиссию станут вдвое превышать объемы капитальных вложений, что радикально меняет экономическую логику присутствия операторов на шельфе. Норвегия, напротив, ожидает в 2026 г. инвестиций порядка 20 млрд фунтов, превосходя британский уровень более чем в 4 раза, а в январе 2026 г. выдала 57 новых лицензий; по данным Wood Mackenzie, британские активы торгуются с дисконтом около 40 долларов за баррель против среднего показателя по ОЭСР в 70 долларов, и аналитики напрямую связывают подобное обесценение с нестабильностью фискальной политики [4]. Решение Apache о прекращении буровых работ, уход Harbour Energy, слияние Shell и Equinor, сокращения в BP и Well-Safe Solutions наглядно иллюстрируют процесс исхода

операторов с UKCS [6; 8]; параллельно возросла и концентрация отрасли, т. к. доля 5 крупнейших операторов в совокупной добыче увеличилась с чуть более половины в 2019 г. до более чем 70 % к 2025 г. [4].

Траектория спроса на углеводороды, моделируемая Climate Change Committee, задает контур долгосрочной перспективы фискально-правового регулирования; в Седьмом углеродном бюджете (февраль 2025 г.) предложен «сбалансированный путь», предполагающий сокращение совокупного чистого импорта нефти и газа в Великобританию на 77 % к 2050 г. относительно уровня 2025 г. Прогнозы NSTA, на которые опирается CCC, демонстрируют, что без новых разработок отечественная добыча упадет с 689 ТВт-ч в 2025 г. до 62 ТВт-ч в 2050 г. [10], а подобная динамика означает, что фискальная политика призвана не просто реагировать на ценовые шоки, но и стратегически выстраивать переход к принципиально иной бюджетной архитектуре, в рамках которой углеводородные налоги будут неуклонно замещаться поступлениями от новых отраслей экономики. Институциональный аспект регулирования также заслуживает внимания, поскольку в соответствии со ст. 16 Energy Act 2016 государственный секретарь обязан проводить обзор деятельности NSTA не реже одного раза в 3 года; третий по счету обзор, опубликованный в апреле 2026 г., подтвердил результативность функций регулятора, в сферу компетенций которого с 2023 г. входит регулирование офшорной транспортировки и хранения водорода [9]. Доклад North Sea Transition Taskforce от марта 2025 г. рекомендует возложить координацию плана энергетического перехода именно на NSTA, что даст регулятору возможность проактивно участвовать в формировании будущих фискальных мер [8].

Действующий фискально-правовой режим по своей природе представляет собой переходную конструкцию, находящуюся под значительным давлением конкурирующих целей [3, с. 55]; государство, с одной стороны, стремится извлечь максимум поступлений из исторически высокодоходной отрасли, с другой же вынуждено поддерживать ее жизнеспособность как источника переходной энергии и опоры для цепочек поставок [1, с. 278]. Доклад OEUK 2026 г. констатирует, что 50–80 % инвестиций, необходимых для низкоуглеродных офшорных решений, обеспечиваются за счет компетенций действующего нефтегазового сектора, при том что 9 из 10 компаний в цепочке поставок в 2025 г. заявляли о невозможности наращивания бизнеса без выхода на иностранные рынки [4]. Избыточное фискальное давление в подобных обстоятельствах оборачивается угрозой для самих низкоуглеродных проектов, поскольку отток поставщиков и квалифицированных кадров лишит перспективную «зеленую» энергетику индустриального фундамента; с юридической же точки зрения существенна проблема правовой определенности, т. к. многократные изменения ставки EPL вступают в противоречие с принципами, которые HM Treasury декларирует еще в Pre-Budget Report 2005 г. [6]. Хотя британское налоговое право не признает «фискальной стабилизации» в качестве юридически обязывающей доктрины, отсутствие гарантий стабильности порождает ощутимые репутационные издержки; парламентский ответ на сложившуюся ситуацию в виде введения ESIM с законодательным закреплением «автоматического выхода» представляет собой попытку обеспечить определенность нормативным путем, реальная эффективность которой в полной мере проявится после 2028–2030 гг., когда вступит в действие OGPM.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что фискально-правовое регулирование нефтегазового сектора Великобритании прошло путь от четырехэлементной постоянной конструкции (RFCT, SC, PRT, EPL) к сложной многослойной системе,

в которой «временный» сбор на сверхприбыль фактически превратился в полупостоянный элемент, при том что ставка EPL за 4 года выросла с 25 % до 55 %, срок действия дважды продлевался, а общая инвестиционная надбавка была отменена при сохранении 100 %-ных капитальных и 66 %-ной декарбонизационной надбавок, и подобная конфигурация отражает стремление использовать налоговую систему в качестве «направляющего» инструмента энергетического перехода. Введение Energy Security Investment Mechanism и проектирование Oil and Gas Price Mechanism свидетельствуют о намерении законодателя сформировать предсказуемый «автоматический» переход между нормальным и экстраординарным режимами налогообложения, однако фактическое повышение ставки до 55 % в апреле 2026 г. обнажило уязвимость декларированной стабильности перед давлением политической конъюнктуры. Совокупная предельная ставка

в 78 % (с июля 2026 г. до 83 %), двукратное сокращение капитальных вложений к 2028 г., исход операторов и падение прогнозируемых налоговых поступлений до 100 млн фунтов к 2030 г. указывают на то, что фискальное «удушение» отрасли ставит под угрозу сами цели энергетического перехода; именно тот факт, что 50–80 % инвестиций в низкоуглеродные офшорные проекты обеспечиваются компетенциями существующего нефтегазового сектора, превращает задачу формирования стабильного, предсказуемого и одновременно стимулирующего декарбонизационные вложения режима в центральный вопрос правовой политики ближайших 5–10 лет, призванной сбалансировать конкурирующие приоритеты энергетической безопасности, бюджетной устойчивости и климатических обязательств Великобритании.

Примечания

1. Ахметьянова Д. И. Экономические инструменты государственного регулирования энергетического рынка // Тинчуринские чтения — 2025 «Энергетика и цифровая трансформация»: статьи по материалам конференции. Казань, 2025.
2. Салиева Р. Н. Стабильность правового регулирования как принцип обеспечения энергетической безопасности и технологической независимости ТЭК в современных условиях // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: сборник научных статей. Минск, 2025.
3. Топтунова Д. Д. Мировой рынок нефти: особенности регулирования // Валютное регулирование. Валютный контроль. 2025. N 6.
4. OEUK Business Outlook Report 2026. URL: <https://oeuk.org.uk/wp-content/uploads/2026/03/Business-Outlook-Report-2026-Final.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
5. OEUK. Analysis: EPL reform will give a £15 billion government revenue boost. URL: <https://oeuk.org.uk/analysis-shows-energy-profits-levy-reform-will-give-a-15-billion-government-revenue-boost/> (дата обращения: 20.05.2026).
6. House of Commons Library Research Briefing. Taxation of North Sea oil and gas. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN00341/SN00341.pdf> (дата обращения: 20.05.2026).
7. UK Parliament. Oil and Gas. Volume 783: debated on Tuesday 24 March 2026. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2026-03-24/debates/13B0FEA9-17A3-4FFD-AADB-859DD1CE04B5/OilAndGas> (дата обращения: 20.05.2026).
8. British Chambers of Commerce. North Sea Transition Taskforce. Securing the Future of the Energy Transition in the North Sea. URL: <https://www.britishchambers.org.uk/wp-content/uploads/2025/03/North-Sea-Transition-Taskforce-Securing-The-Future-Of-The-Energy-Transition-In-The-North-Sea-Report-1.pdf> (дата обращения: 14.05.2026).
9. North Sea Transition Authority (Oil and Gas Authority) Review 2025. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/69f0d98e60bc5a8a72c191a9/nsta-oga-review-2025-web-optimised.pdf> (дата обращения: 14.05.2026).
10. The Seventh Carbon Budget. Advice for the UK Government. URL: <https://www.theccc.org.uk/wp-content/uploads/2025/02/The-Seventh-Carbon-Budget.pdf> (дата обращения: 14.05.2026).

English version

Fiscal and legal instruments for regulating the United Kingdom's oil and gas sector in the context of the energy transition
Zayukov Vladislav Sergeevich, master's student, Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the fiscal and legal framework governing the United Kingdom's oil and gas sector in the context of the energy transition. Particular attention is paid to the multi-level structure of hydrocarbon production taxation in the North Sea, including ring-fence corporation tax, the supplementary charge, petroleum revenue tax, and the temporary Energy Profits Levy (EPL). Alongside an examination of the evolution of the EPL from 2022 to 2026, the study explores the legal nature of the Energy Security Investment Mechanism (ESIM) and the proposed Oil and Gas Price Mechanism (OGPM), as well as the role of investment and decarbonization incentives in redirecting capital toward energy transition objectives. The findings demonstrate the ambivalent nature of the current framework, which ensures fiscal revenues for the state budget while simultaneously creating risks to the investment attractiveness of the United Kingdom Continental Shelf and the resilience of supply chains, without which the energy transition itself may prove unattainable.

Keywords: fiscal regime, United Kingdom oil and gas sector, energy transition, legal mechanisms.